

В творчестве Анатолия Николаевича Побаченко мне больше всего нравится лирика. В лирических стихотворениях – он (да и все поэты) выражает свои чувства, думы, настроения, страсти, внутренний мир. Лирика поэта – это творческая исповедь, в которой видны даже «невооружённым» глазом мечты, раздумья, переживания, любовь, стремления, духовный рост – весь его характер.

Мне захотелось найти в его поэзии и, самое главное, понять, что его подвигло на литературное творчество и что питает его успех. И лучше всего об этом сказал он сам в книге избранных стихов «Осенний хмель».

Детство и юность. В ней я встретила несколько скупых строчек о родителях: «Деревенька моя – Казанцево, мать Клавдия Игнатьевна (Елистратовы из Смоленской губернии), отец Николай Андрианович (из семьи побочников – родни по женской линии), из семи детей – я заскрёбыш». Вот и всё о себе, а об одном дедушке чуть больше: «Был у деда дом и невод, золотые поплавки, слово красное для девок и для драки казанки». Погиб 1938 году в застенках Каинска. Другой дед погиб в бою за красных в 1918 году под Барабинском. Отец и мать – простые крестьяне, образование – одна «зима», две «зимы», работали колхозниками. Фамилия (по отцу) дана от братьев-побочников, а может, от предков-говорунгов, слагающих весёлые побасёнки.

Родители вырастили троих сыновей, остальные дети умерли в детстве от разных болезней. Младший, Анатолий, окончил 7 классов в Казанцево, 10 классов в селе Зюзя (здесь

была церковь), потом учился в машиностроительном техникуме в Новосибирске. Как говорят, «бросил» его, поступил и окончил в Бийске АГАО им. В. М. Шукшина (пединститут). Как говорила ему мама: «Учись, Натолій, будешь счетоводом или учителем». Второе пожелание сбылось. Начал работать на Алтае учителем, наверно, остался бы там, но родная сторона навсегда позвала его к себе. Здесь корни поэта, истоки его творчества.

А за околицей деревни – жёлтые стрелы камыша с тёмно-коричневыми шишками – «рогоз в шоколаде», «далёкий плёс в алмазах, а то – небо, плачущее не один день, жар покосов, скрип полозьев по сухому снегу, гривы да колочки...» «Моё гнездо – в равнине плоской, среди приземистых холмов, где колкам чужды пышность, роскошь, где сёла – несколько домов...» Он живо опишет всё это на страницах книжки: огромные, как море, озёра Сартлан и Чаны, («на родине озёр не сосчитать»), Барабинскую и Кулундинскую бескрайние степи, солонцы и гривы, берёзовые колки с белыми хрустящими груздями. А какие названия озёр – горькое, солёное, сладкое, белое, весёлое, хорошее... На крыльях сойки, тотема барабинских татар, – голубые оконца! Бездна поэзии!

«Это край – избитых и убитых, / родина синиц и косачей, / а земляца кровушкой полита, / кровохлёбка – цвет её очей».

В суровую военную годину родился поэт: «Мы к свету осокой пробилась из горькой военной поры, с живыми навек породнились, спасибо отцам: помогли». «Не травы степи питали соком военных лет, не полоскал меня ветер на солнце золотом, а мама моя всё это делала и ладом». Помнит Анатолий, «как отец и мать сводили два конца – у трудодня, к бригадиру как ходили взять коня на день, на два. Как слезою мать давилась по итогам года, дня, потихоньку всё молилась: прожит день, жива родня... Был и Сталин, был и Брежнев,

много было. Но ты знай ... Мы, как Русь, подьемлем вежды: крепок тот, кто не пропал».

*Среди берёз я вырос тихо,
Среди осин не стал угрюмым,
Люблю полынь и облепиху,
Люблю снега: они как дюны.*

Детство, полное чудес, навсегда поселится в его душе, оно возвращает и обогащает его творчество. «Из детства не выйти, – пишет он, – как и не оторваться от родной земли. Она питает душу, здесь корни вырастания и открытий».

*Без осин и берёз, ветра в ставнях,
Голубых сновидений в стогу,
Без весёлого трепета в плавнях
Я представить себя не могу.
Без родителей добрых и строгих
Не запало б в судьбу навсегда
И камыш, и озёра, отноги
И крестьянская в поле страда.*

Поэт с детских лет, кажется, уверен был в своём предназначении – вобрать земную красоту в себя, изумиться божьим творением и выплеснуть свою душу людям. И так обращается он к будущему читателю: «Моих поэм дождись. Они соткнутся поздно из родников и льдин, из трав июльских, росных. Из тёплых камышин Оби, Чанов, Сартлана, из веточек крушин и песенок жулана».

Малую родину он с любовью вспоминает всю жизнь: «Разбуди меня, утро погожее, и в родные луга отведи, чтобы помнил я утро хорошее в Кулундинской солёной степи». Поэт «с мечтой ушёл в степные дали, дорогу ветры мне мели, советы добрые давали друзья, озёра, ковыли». «Моя родина простая – степь, Казанцево, Чаны. Синь озёрная такая,

словно не было войны». Деревня Казанцево основана в 1730 году, на берегу озера Чаны (местные жители называют его морем). Это шестьдесят километров от Барабинска. К рекам и озёрам тянулись люди из России, воля, рыба спасали их от голода. «Бараба растянута до неба. Бросишь взгляд – а он летит насквозь! Господом загаданный нам ребус, блещущий от слёз – или от рос».

Любит поэт иногда постоять у одинокого степного колка, деревья которого «словно лебеди...», где «не спеша, не слышно, снег идёт, идёт, у берёзы пышной малость отдохнёт...» «С ним под серым небом чувствую себя зябкой веткой вербы и молчу, любя...»

Хорошо в такую пору оказаться дома и мечтать у затопленной печки. «А печали искать мне не ново, верный ветер поможет в трубе вспомнить песню мотива иного в чуть притихшей от стужи избе». «Что ж ты, печка моя, задымила? Или золу ещё отгрести? Знать, душа в ней немножко остыла, то ли я растерялся. Прости».

А большая «Родина – это бездонные дали, тяга равнины в полёт. Родина – это слезинки проталин, первых подснежников ход. Родина – «льна Божьей матери пламя...» «Крепкий морозец, мой спутник лихой, топчется рядом порою глухой. Тихо снежочек на стылом дворе песню поёт одинокой заре».

«Пойду по дороге к далёкому сердцу, что ждёт испокон... И дождётся ль меня? Но только б идти, никуда бы не деться, в душе акварели земные храня...» «На зорьке вечерней сегодня усталым наплачусь, а завтра себя без остатка дороге отдам». «Дух солеросов и трав» двигает поэта по жизни, и поэтому невозможно творчество без любви к родному краю, без постоянного погружения в заботы людских чаяний и тревог.

Первые его встречи на дороге в литературу: В. Коржев, А. Плитченко, Г. Карпунин, Л. Ершов, М. Юдалевич, М. Со-

боль. «И выйду я в мир просветлённый весь полон надежды, что он не обманет меня... Стелились бы мне постоянно раскосые вёрсты, пылало бы в сердце желание прежнее – жить». А до этого – песни матери, сказки, молитвы, причитания...

Университеты. Он учится Слову, не гнушается призывать на помощь различные языческие силы: «Берегиня моя, берегиня, ты – молитва моя и богиня. Научи-ка меня чудо-слову, отмети-ка от зёрен полу»». Но прежде всего ему дорого мастерство земных учителей-поэтов. Это – Пушкин, Лермонтов, Даниил Андреев, Бальмонт, Бунин, Клюев, Набоков, Брюсов, Северянин, Цветаева, Рубцов и другие наши и зарубежные поэты и писатели.

«Стихи придут к тебе неожиданно, как телеграмма, зычный свист», – подытоживает он свои «университеты». Разве это неожиданно? Им предшествовала большая работа над собой и над словом. И данные от природы поэта: наблюдательность, впечатлительность, живой ум.

Колоссальный объём русской литературы вобрал он в себя и постоянно его «перелопачивал», помня о самом «главном – надо выйти из него и остаться самим собой, верным своей душе», – пишет он о поэтах и поэзии, пытаясь объяснить себе и читателям странную и несказанную тягу к перу.

Раздумья, вопросы без ответов. А что питает эту тягу? Задаёт себе этот вопрос Анатолий Николаевич и отвечает: «Вбирая в себя весь мир, малую былинку, страдания и радость, болезни и уродства, гибель и подвиг сердец, разочарования, любовь – пытаешься переплавить всё в строчки...». Но точного ответа не знает никто. Каждый поэт ставит вечные, неразрешимые человечеством вопросы, призывая читателя подумать вместе с ним над их разгадкой. В этом, я думаю, кроется притягательность поэзии, её тайна.

*Сказать бы, что поёт синица,
о ком грустит ель под окном,
чем вдохновенны в поле лица,
каким объаты птицы сном.
Упал зачем из рук платочек,
на что меняются года?
Неужто так в груди клокочет,
как в чугуне скоту еда?*

«Найти бы верные слова, и в них отраду...» «Строку волшебную найдёшь и в ней витаешь...» Вот они, радости и счастье поэта: «Найти заветные слова – такое чудо!»

Поэт Анатолий Побаченко размышляет о тайнах писательского творчества и успеха, но «едва ль вопросы будут сняты моим ответом и житьём», – заключает он в стихотворении «И по сей день хожу и славлю...»

*Не тебе ли, певец, дан божественный дар
полюбить ярый свет! Как бесстрашный Икар –
вознестись к высоте на трепещущих крыльях?
Будь такою всегда, раскалённая высь,
чтобы голос любви упоительно вис
над зелёной землёй и над холодом пыли.*

И находит единственный ответ: божественный дар – это любовь! Если от природы дано божье повеление, как маленькой птахе – соловью, надо им с умом распорядиться, об этом в раздумьях поэт.

«За что любят настоящих поэтов в России?» – ставит вопрос Анатолий. И отвечает себе: за что любят – за то часто и гибнут русские поэты в расцвете жизни и творческих сил:

*... за верность верб,
стозвон Руси,
за томный вздох коровы в стайке,
за нашу русскую печаль,*

*тоску дорог,
собачьи слёзы,
за божью на лбу печать,
за щедрые в Рязани грозы,
за слово вольное полей,
за неуёмную тревогу,
за то, что серый соловей
поёт
и тянет нас в дорогу.*

Земные радости. *Счастье любви: «Тебя узнать – это так же, как войти в озеро Чаны и медленно идти, погружаясь и постигая его красоту».*

*Я опрокинусь в тишину и выльюсь в росы.
Я полюбил тебя одну, как эти розы,
И этот стол, и этот дол, в окне стоящий,
И свет немеркнувший за то, что настоящий.*

Даже недолгие расставания с Ней причиняют невыносимые страдания: «Уйдёшь, – и одиноко в сердце, и сад оглох от тишины». Какая же любовь без радости и грусти?!

*Мне бы только с тобой ту прожить и пройти
часть монады,
Что стрекочет, свистит, и поёт, и грустит от всего...*

.....
*Подмигни, улыбнись, поддержи в час-другой
И легко обними, поцелуй. Будь такой.
Счастлив здесь, на Земле, быть с тобою – всегда.
Даже если к Луне полетишь – и тогда
Не забудь: подмигни, улыбнись, поддержи...*

И неизбежные ошибки юности:
*Вот и к нам подошли холода.
Объ накрылась сухим одеялом,*

*что из снежного пуха и льда.
В нём иголкой слова позастряли.
Они брошены здесь летним днём –
до сих пор меня мучают боли.
Объ родная, скажи, не томи,
чем вину искуплю перед нею?*

«Моё имя – прошу – не забудь, помяни». И через много лет память хранит номер телефона, и в бессонную ночь герой мысленно ведёт с Нею разговор до утра:

*Когда же время выйдет прочь,
с тобой прервётся связь,
я постараюсь превозмочь
земли холодной вязь.
Сквозь толщу одиноких лет
у Леты у реки
тебе скажу, что смерти нет,
есть длинные гудки.*

И не придуманный, а пережитый им самим Её ответ:

*Я думала, что век с тобою буду –
стерплю обиды и камней в груди...*

.....
*Не думала, что в лодке будет течь,
что ноша дней задавит мою речь,
что оборвётся жизненная нить,
что можно сердце в Лету обронить.*

Мечты. Человеку свойственно подводить итоги, строить планы и заглядывать в будущее: «Есть страны, где, наверно, легче выжить, жирнее степь, пшеницы колос выше, но мне милей – просолена земля», – пишет поэт.

*Если есть на земле миг свершенья
И высокое предназначенье*

*Для меня, для тебя, для всего, –
То готов я дарить на дороге
Строчки белые – знак землякам,
Что живут на земле ещё боги –
Наши дети, цветы, облака.*

Часто в мечтах представляет он своё возвращение в родительский дом: «Как будто бы калитку приоткрою, войду во двор, и мама – вот спешит...», как вместе «с братьями пою от всей души». И каждый поёт и тянет что-то своё, а всё – о том, «где Родина святая, и нету слёз, и мягкая трава, где ласточки вокруг домов летают и живы лебеди... где под окном черёмуха листает стихи свои, земли родимый дар». «Молодым ведь – не помер, а теперь? – ни к чему», – заключает поэт у порога родного дома. Я согласна с ним. Теперь – только и жить: дел-то вон сколько! «Помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела».

Послесловие. Пятого октября 2015 года в Новосибирской юношеской библиотеке состоялось открытие нового литературного общественного объединения города Новосибирска, а точнее, клуба поэтов и писателей «Сибирский Парнас» под руководством поэта и журналиста Анатолия Николаевича Побаченко. Под его редакторством издаётся литературно-художественный краеведческий ежеквартальный журнал «Сибирский Парнас», где печатаются и наши произведения, которые на заседаниях предварительно обсуждаются.

В педагогике Анатолий Николаевич проработал 45 лет. И профессия наложила свой отпечаток на его творчество. Он автор многих сборников стихов, статей, рецензий, десяти венков сонетов. Вся книга «Осенний хмель» воспринимается мною как многочасовой мастер-класс по художественному слову и приносит настоящее эстетическое удовольствие.